

294	0239	АННА БАРКОВА	“Надорванная скрипка“	Часть 1 “Пророчица“
295	0239-2	АННА БАРКОВА	“Надорванная скрипка“	Часть 2 “В адском кругу“

“Надорванная скрипка“

Часть 2 “В адском кругу“

1(30). В адском кругу	– 1.28
2(31). Надорванная скрипка	– 2.09
3(32). Всегда один	– 1.09
4(33). Надрывный романс	– 1.58
5(34). Скучная земля	– 2.22
6(35). Странная пара	– 1.13
7(36). Казенный дом	– 1.32
8(37). Укротителям	– 1.08
9(38). За окованной дверью	– 1.07
10(39). Страна волшебная	– 1.14
11(40). Дети счастливой страны	– 1.44
12(41). Герои нашего времени	– 1.15
13(42). Инвалиды	– 3.18
14(43). Как родимая Русь	– 1.31
15(44). Русь	– 1.41
16(45). Я уж думала	– 2.37
17(46). Черные вороны каркают	– 3.07
18(47). Седой Иванушка	– 2.40
19(48). Некому отпеть	– 2.29
20(49). В наследство внукам	– 1.07
21(50). Черная синева	– 2.30
22(51). Предсмертная тоска	– 1.25
23(52). Российская тоска	– 1.15
24(53). Народится новая каста	– 1.03
25(54). Подневольный песни крик	– 1.59
26(55). Единоборство	– 2.36
27(56). Собственный фильм	– 2.47
<i>Общее время звучания – 50.24</i>	

Общее время звучания – 97.15

СОДЕРЖАНИЕ

1. В АДСКОМ КРУГУ

За чертовой обеднею
В адском кругу
Жалкую, последнюю
Берегу.

Кругом темнота все гуще,
Мир слеп.
Это мой хлеб насущный,
Хлеб.

Кусок нищему дорог,
Как матери детское имя.
Быть может, придет враг
И это отнимет.

Кроткая, некрасивая, милая,
Ты над пропастью хрупкий мост,
Ты последняя кровь в моих жилах,
Последняя неугасимая из звезд.

Израженный, с перебитым хребтом,
Затравленный зверь,
Только тебе открыт мой дом,
Верь!

Я не ожидаю благих вестей,
Все убито, искалечено!
Храню тебя, истерзанную до костей
Кнутами мастера дел заплечных.

За чертовой обеднею,
В адском кругу
Жалкую, последнюю
Берегу.

2. НАДОРВАННАЯ СКРИПКА

Сегодня чужое веселье,
Как крест, на душе я несу.
Бежать бы и спрятаться в келью
В каком-нибудь диком лесу.

Охрипли чахоточно струны
Надорванной скрипки больной...
Здесь нет несозревших и юных,
Все старятся вместе со мной.

Здесь старят, наверно, не годы,
А ветер, пурга, облака.
И тусклое слово: «невзгода»,
И мутное слово, «тоска».

Здесь старят весна и морозы,
И жизни безжизненный строй,
И чьи-то тупые угрозы,
Приказы: «Иди!» или «Стои!»

Охрипли чахоточно струны
Надорванной скрипки больной.
Здесь тот, кто считается юным,
Бессильно дряхлеет со мной.

3. ВСЕГДА ОДИН

И пятна солнца, и черная
Тень растет из глубин.
Влюбленный, нежный, покорный
Всегда ты, всегда один.

Один в своей слабости жалкой,
Которую надо скрыть.
Один под плетью, под палкой —
О них нельзя говорить.

Один, полуголый, нищий,
Озлобленный вечной борьбой,
Зачем и кого ты ищешь?
Никто не пойдет за тобой.

В смертельном своем утомлении,
В томлении духа один.
Зачем же в любви утоления
Ты ищешь до самых седи́н?

4. НАДРЫВНЫЙ РОМАНС

Бродим тихо по снежной дороге,
По вечерней, чуть-чуть голубой,
Дышит все нашим прошлым убогим,
Арестантскою нашей судьбой.

И судьбы этой ход нам не ясен,
Мы давно не считаем утрат.
Белый снег. И оранжево-красен
Сиротливый тоскливый закат.

И закату здесь так одиноко,
Ничего, кроме плоских болот.
Как мы все, осужден он без срока,
Как мы все, никуда не уйдет.

Мы с тобой влюблены и несчастны,
Счастье наше за сотней преград.
Перед нами оранжево-красный
Сиротливый холодный закат.

5. СКУДНАЯ ЗЕМЛЯ

Наверно, я сухая, скучная,
Как эта скудная земля.
Здесь только вьюга полнозвучная
Играет, душу веселя.

А летом солнце незакатное
Бессменным ходит часовым.
Здесь вечер с утром — непонятные,
День от ночей неразличим.

Здесь ночи от бесстыдства белые,
Белее солнечного дня.
И в эти ночи ласки смелые
Смущают сладостно меня.

И это невозможно вынести,

Сгорели, запеклись уста.
Нет в этой белизне невинности,
А страсть, огонь и духота.

6. СТРАННАЯ ПАРА

И снова ты жалок, нищ, одиноч
Под ветрами будешь качаться,
И может быть, так собьет тебя с ног,
Что не в силах ты будешь подняться.

В стог сена зимой, а летом — в овраг
Заляжешь голым героем.
Конечно, не для бездомных бродят
Наш мир прекрасный устроен.

Но довольно ужасов: я не бродяга,
Я арестант законный.
Мешает смотреть какая-то влага,
А смех роднится со стоном.

Ну что ж, я устроена. Есть у меня
Паек и теплые нары.
И на закате тусклого дня
Мы встречаемся... Странная пара.

7. КАЗЁННЫЙ ДОМ

Ночь. И снится мне твоя рука
На безумной голове моей.
Ночь. Постель холодная жестка,
За окном свистящий снеговой.

Словно сбились ветры всей земли
В буйный и нестройный пьяный круг
И мятеж свирепый завели,
Рушат всё, ломают всё вокруг.

И дрожит от ужаса жильё —
Наш приют и наш казенный дом,
Одеяла наши и белье —
Все казенным мечено клеймом.

Где-то строго охраняют лист
С записью преступных наших дел,
А за окнами злорадный свист
«Восставайте с нами все, кто смел!»

8. УКРОТИТЕЛЯМ

Корми щедрее, а на дверь
Повесь большой замок —
И стерпит укрощенный зверь
И окрик, и пинок.

И если зверь не будет сыт,
Он сокрушит замки
И в укротителя вонзит
Жестокие клыки.

Аплодисментов краткий взрыв
И краткий общий сгон.
Затем толпа, тебя забыв,
Из цирка хлынет вон.

Всем укротителям везде
Один и тот же суд.
Покажешь слабость — быть беде.
Ты бил — тебя сожрут.

Твой каждый взгляд, ошибку, ложь
Учтут когда-нибудь
И, словно гибкий острый нож,
В твою направят грудь.

Командной бойся высоты,
Мой неразумный брат,
Сегодня вождь любимый ты,
А завтра ренегат.

9. ЗА ОКОВАННОЙ ДВЕРЬЮ

Где верность какой-то отчизне
И прочность родимых жилищ?
Вот каждый стоит перед жизнью,
Могуч, беспощаден и нищ.

Вспомняем с недоброй улыбкой
Блужданья наивных отцов.
Была роковою ошибкой
Игра дорогих мертвецов.

С покорностью рабскою дружно
Мы вносим кровавый пай,
Затем, чтоб построить ненужный
Железобетонный рай.

Живет за окованной дверью
Во тьме наших странных сердец
Служитель безбожных мистерий,
Великий страдалец и лжец.

10. СТРАНА ВОЛШЕБНАЯ

Хочу я лапотки надеть
Из золотого лыка
И в путь уйти, и посмотреть
На белый свет великий,
Где есть прелестные дома,

Что доросли до неба,
Где есть чудесная тюрьма,
Где кормят белым хлебом,
Где арестантики лежат
На пуховой перине,
А все начальники дрожат,
Как листья на осине.
Где льется золото рекой,
А реки льются кровью.
Где днем поют за упокой,
А ночью — за здоровье.
Где нищие на всех углах
И где их прочь не гонят.
Где с панихидами в гробах
Задаром всех хоронят.

11. ДЕТИ СЧАСТЛИВОЙ СТРАНЫ

Скука смертная давит на плечи,
Птичьи звуки в бараке слышны.
Это радио. Дети лепечут,
Дети нашей счастливой страны.
А спроси-ка у деточек милых,
Где их папы, в каких краях?
— Папы в братских лежат могилах,
На своих и чужих рубежах.
Что? Смутили тебя не на шутку?
Где их мамы, у деток спроси.
— Да тюремными проститутками
По этапам пошли по Руси.
А себя-то куда вы примените?
По каким пойдете делам?
Если вы ничего не измените
То же самое выпадет вам.

12. ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Героям нашего времени
Не двадцать, не тридцать лет.
Тем не выдержать нашего бремени,
Нет!

Мы герои, веку ровесники,
Совпадают у нас шаги.
Мы и жертвы, и провозвестники,
И союзники, и враги.

Ворожили мы вместе с Блоком,
Занимались высоким трудом.
Золотистый хранили локон
И ходили в публичный дом.

Разрывали с народом узы
И к народу шли в должники.
Надевали толстовскую блузу,

Вслед за Горьким брели в босыки.

Мы испробовали нагайки
Староверских казацких полков
И тюремные грызли пайки
У расчетливых большевиков.

Трепетали, завидя ромбы
И петлиц малиновый цвет,
От немецкой прятались бомбы,
На допросах твердили «нет».

Всё мы видели, так мы выжили,
Биты, стреляны, закалены,
Нашей родины злой и униженной
Злые дочери и сыны.

13. ИНВАЛИДЫ

Чем торгуешь ты, дура набитая,
Голова твоя бесталанная?
Сапогами мужа убитого
И его гимнастеркой рваную.

А ведь был он, как я, герой.
Со святыми его упокой.

Ах ты, тетенька бестолковая,
Может, ты надо мною сжалишься,
Бросишь корку хлеба пайкового
В память мужа его товарищу?

Все поля и дороги залило
Кровью русскою, кровушкой алою.
Кровью нашею, кровью вражеской.
(Рассказать бы все, да не скажется!

Закоптелые и шершавые,
Шли мы Прагой, Берлином, Варшавою.
Проходили мы, победители.
Перед нами дрожали жители.

Воротились домой безглазые,
Воротились домой безрукие.
И с чужой, незнакомой заразою,
И с чужой, непонятною мукою.

И в пыли на базаре сели
И победные песни запели:

— Подавайте нам, инвалидам!
Мы сидим с искалеченным видом,
Пожалейте нас, победителей,
Поминаючи ваших родителей.

14. КАК РОДИМАЯ РУСЬ

Наша жизнь коротка
И горька, словно лук.
Никакого куска
Не пускайте из рук.

Недоступен один,
Так хватайте другой.
После тяжких годин
Веселитесь душой.

Ждать и медлить нельзя,
Утоляй аппетит —
Смерть, косою грозя,
У порога стоит.

Рассуждая легко,
Всё считай трын-травой.
Если друг далеко,
Так найдется другой.

Только я поплетусь
По дорожке одна,
Как родимая Русь,
Никому не нужна.

15. РУСЬ

Лошадьми татарскими топтана,
И в разбойных приказах пыгана,
И петровским калечена опытом,
И петровской дубинкой воспитана,

И пруссаками замуштрована,
И своими кругом обворована,
Тебя всеми крутило теченьями,
Сбило с толку чужими ученьями.

Ты к Европе лицом повернута,
На дыбы над бездною вздернута,
Ошарашена, огорошена,
В ту же самую бездну и сброшена.

И жива ты, живым-живехонька,
И твердишь ты одно: «Гошнихонько!
Чую, кто-то рукою железною
Снова вздернет меня над бездною».

16. Я УЖ ДУМАЛА

Я уж думала: все закончено,
Лишь пустыня да облака.
И меня не затравят гончими
Злая страсть и злая тоска.

Неужели часы случайные
После длинного, скучного дня
Разбудили всё страшное, тайное,
Что терзало когда-то меня?
Прежним дьяволом околдована,
Я смотрю в свою темную ночь.
Все, что сломлено, что заковано,
Не осмеивай, не порочь.
Вот рванулось оно, окаянное,
Оборвало бессильную цепь
И взметнулось бураном пьяным,
Потрясающим русскую степь.

17. ЧЁРНЫЕ ВОРОНЫ КАРКАЮТ

Как над Русью раскаркались вороны,
В сером небе движучись тучею.
Поклонился Иван на все стороны,
Вместе с ним и народ замученный.

«Вы простите нас, люди чуждые,
Мы грехом заросли, как сажею.
Не расстались мы с нашими нуждами,
И для вас еще нужды нажили.

Мы с величьем сравнивали ничтожество,
Смерда с князем, с нищим — богатого,
И княжат народили множество,
И с неволею волю сосватали.

Воля, словно жена-изменница,
Скрылась из дому в ночь непроглядную.
И ручьи у нас кровью пенятся,
И творится у нас неладное.

Да и вас-то мы, люди нерусские,
Заразили болезнью нашею.
Стало горе для вас закускою,
Перестали вы хлеба спрашивать.

Весь народ наш как сослепу тычется,
Выше пояса реки кровавые.
Богородица наша, владычица,
Уведи нас с пути неправого!..»

А в ответ на слова покаяния
Пуще черные вороны каркают:
«Не исполнятся ваши желания,
И молитва не принята жаркая.

Хлеб посеете, а пожнете вы
Ядовитые травы сорные,
И в который раз подожжете вы
Города, от грехов ваших чёрные».

Посмотрел Иван в небо серое,
И за ним весь народ замученный:
«Вон без счету над нами, без меры
Пролетают вороны тучею.

Эй вы, вороны, вещие, старые,
Вам накаркать на нас больше нечего.
Мы испытаны многими карами,
Всеми страшными клеймами мечены.

Так не станем судьбине покорствовать,
Выше голову вскинем повинную!
Часто хлеба лишались мы черствого,
Набивали утробу мякиною.

Мы пойдем добывать себе долюшку
И степными путями, и горными.
Вырвем русскую вольную волюшку
Из когтей наших злобных воронов».

18. СЕДОЙ ИВАНУШКА

Нет давно родимой матушки
У седого у Иванушки.
Нету роду, нету племени,
Лишь кудерышки на темени.
И в кармане у Ивана ни гроша,
У Ивана развеселая душа.
Ухмыльнется, да и песню запоем,
И пойдет куда-то с песней от ворот.
Рад, дурак, что он не знает ничего:
Ни пути, ни назначенья своего.
Вся надежда на Иисуса на Христа,
На ночевку у ракитова куста
Да на участь на дурацкую свою,
Всем блаженным, нищим духом быть в раю.
Нищим духом, что сокровища свои
По дорогам, не жалея, растрясли,
Все отбросили, покинули,
На плечо суму накиннули
И пошли, душой свободные,
Бесприютные, голодные.
Старый дурень, сиротиночка,
Он прошепчет одно имечко
И пойдет неведомо куда,
Где сияют золотые города.

19. НЕКОМУ ОТПЕТЬ

Нависла туча окаянная,
Что будет — град или гроза?
И вижу я старуху странную,
Древнее древности глаза.

И поступь у нее бесцельная,
В руке убогая клюка.
Больная? Может быть, похмельная?
Безумная наверняка.

— Куда ты, бабушка, направилась?
Начнется буря — не стерпеть.
— Жду панихиды. Я преставилась,
Да только некому отпеть.

Дороги все мои исхожены,
А счастья не было нигде.
В огне горела, проморожена,
В крови тонула и в воде.

Платьишко все на мне истертое,
И в гроб мне нечего надеть.
Уж я давно блуждаю мертвая,
Да только некому отпеть.

20. В НАСЛЕДСТВО ВНУКАМ

Очень яркая лампа над круглым столом,
А мне кажется — сумрак удушливый.
Эх, пронесся бы снова лихой бурелом,
Чтобы все по-иному нарушилось.

Чтобы все, что срослось, поломалось опять,
Потому что срослось не по-нашему.
Да и к черту бы вдребезги все растоптать,
Чтобы нечего было сращивать.

Переверились веры, надумались думы,
Перетлело все, вытлело в скуку,
И набитые трупами черные трюмы
Мы оставим в наследство внукам.

21. ЧЕРНАЯ СИНЕВА

Сумерки холодные. Тоска.
Горько мне от чайного глотка.
Думы об одном и об одном,
И синее что-то за окном.

Тишина жива и не пуста.
Дышат книг сомкнутые уста,
Только дышат. Замерли слова.
За окном чернеет синева.

Лампа очень яркая сильна.
Синева вползает из окна.
Думы об одном и об одном.
Синева мрачнеет за окном.

Я густое золото люблю,

В солнце и во сне его ловлю.
Только свет густой и золотой
Будет залит мертвой синевой.

Прошлого нельзя мне возвратить,
Настоящим не умею жить.
У меня белеет голова,
За окном чернеет синева.

22. ПРЕДСМЕРТНАЯ ТОСКА

Какая злая лень,
И сердце чуть звучит.
Потонет каждый день
В нахлынувшей ночи.

И хлынет мне в глаза
Предсмертной ночи муть,
И нечего сказать,
И некого вернуть.

Смертельный холод лют,
Удушлив темный смрад.
О, если б Страшный Суд!
О, если б мрачный ад!

Нахлынет и несет
Неведомо куда,
И в посиневший рот
Вливается вода.

Забудь! О всем забудь!
Да будет персть легка.
Уж раздавила грудь
Предсмертная тоска.

23. РОССИЙСКАЯ ТОСКА

Хмельная, потогонная,
Ты нам опять близка,
Широкая, бездонная,
Российская тоска.

Мы строили и рушили,
Как малое дитя.
И в карты в наши души
Сам черт играл шутя.

Нет, мы не Божьи дети,
И нас не пустят в рай,
Готовят на том свете
Для нас большой сарай.

Там нары кривобокие,
Не в лад с доской доска,

И там нас ждет широкая
Российская тоска.

24. НАРОДИТСЯ НОВАЯ КАСТА

Накричали мы все немало
Восхвалений борьбе и труду.
Слишком долго пламя пылало,
Не проглотить ли немножко льду?
Не достигнули сами цели
И мешаем дойти другим.
Все горели. И вот — сгорели,
Превратились в пепел и дым.
Безрассудно любя свободу,
Воспитали мы рабский род.
Наготовили хлеба и меду
Для грядущих умных господ.
Народится новая каста,
Беспощадная, словно рок.
Запоздалая трезвость, здравствуй,
Мы простерты у вражеских ног.

25. ПОДНЕВОЛЬНЫЙ ПЕСНИ КРИК

Ты напрасно тратишь нервы,
Не наладишь струнный строй,
Скука, скука — друг твой первый,
А молчанье — друг второй.

А друзья, что рядом были,
Каждый в свой пустился путь,
Все они давно уплыли,
И тебе их не вернуть.

Хоть ты их в тетради втиснула,
Хоть они тебе нужны,
Но они в дела записаны
И в архивах сожжены.

И последний, и невольный
Подневольный песни крик
Береги с великой болью,
Береги и в смертный миг.

Ты склоняешься к закату,
Ты уйдешь в ночную тьму,
Песни скованной, распятой
Не пожертвуй никому.

26. ЕДИНОБОРСТВО

Могли прийти любовь и слава,
Пришли неверие и мгла.
Быть может, я была неправой,
Себя напрасно берегла.

Напрасно всем чужим стихиям
Вставала я наперекор.
Но все ж глаза мои сухие
Встречали ужас и напор,

Но все ж с опасностью любую
Единоборствовала я,
Я не склонялась пред тобою,
Судьба неверная моя.

Тебя сама я создавала,
Тобой я создана сама.
Тобой подарено немало:
И роскошь мысли, и тюрьма,

И это темное стремленье
К чужому сердцу в глубину,
И торжество, и упоенье,
И счастье в муке и в плену.

Была я правою, неправой —
Кто это скажет наперед?
Быть может, траурная слава
Над гробом знаменем взмахнет.

И не найдет себе замены
Тот, кто любил меня и ждал,
Кто из волнующего плена
Хотел бежать, но не бежал.

27. СОБСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ

Я собственный фильм обратно кручу.
Сожалеть о прошедшем надо ли?
О, как же много — считать не хочу! —
Я вдыхала и видела падали.
А называлась она «идеал»
И другими именами святыми.
И только запах всегда выдавал
Ее настоящее имя.
И мораль, и верность, и пышная честь
Удивительно пахнут трусостью.
Что за честь, коли нечего есть,
Коли нечем воду закусывать!
Втайне каждый думает так
И молитвенно руки слагает,
Если видит, что грозный мощный дурак
За икону себя полагает.
Каждый с ревностью патриотической,
Напрягаясь холопскими жилами,
Помогает усердно мерзавцам циническим
Свою мать родную насиловать.
И собой мы не просто, не по старинке
Торгуем в стране <советской>,

А благородно, как на картинке ...
Из хрестоматии детской.
Если мы сочиним, положим, рассказ,
То всегда с воспитательной целью,
А потом, не промывши опухших глаз,
Хлещем водку по целым неделям.
Эх, стоит ли фильм обратно крутить?
Обращаться к прошлому надо ли?
На ухабистом грязном прошлом пути
Я сама и все спутники падали.
Любовь — спасительный мой ковчег,
Где ты? Где? На каком Арарате?
Ты, прошедший по жизни моей человек,
Прости без слез и проклятий.
Про любовь мне тоже лучше молчать.
Сколько чистого в ней и нечистого.
И навек осталась на сердце печать.
Только чья? Наверно, антихристова.